

спать, тесно прижавшись друг к другу и накрывшись всем, что несли с собой – было необыкновенно холодно. И как только из моря показалось солнце, и начался удивительно прекрасный рассвет, мы вскочили и почти бегом бросились с горы вниз к морю и теплу.

Неделю жили под Алуштой в школе, стоявшей на горке над городом. Утром спускались к морю, плавали, загорали, радуясь от красоты природы и тепла.

Питались так: утром варили в котелке какую-нибудь вермишель или пшёнку и чай, днем обедали в дешевой рабочей столовой, где на столах было полно бесплатного хлеба, вечером – та же вермишель или пшёнка и чай. Было изрядно голодно, я опасалась, что ребята начнут воровать. Но единственное, на что они покусились, были незрелые сливы, обнаруженные ими в каком-то большом, видимо, колхозном саду. Каждый вечер мальчишки отправлялись на «промысел», приносили сливы в школу, предлагали и мне, но я говорила: «Ворованного не ем». За несколько дней до отъезда в Москву поняла, что у нас не хватит денег на еду до конца похода. Помня строгое напутствие директора относительно невозможности получения дополнительных денег, не стала ему писать, а отправила телеграмму домой с просьбой прислать срочно телеграфом сто рублей на фрукты...

Мама потом говорила, что телеграмма их удивила и озадачила – какие фрукты? Наверное, черешня, решили они и прислали искомые 100 рублей, которые мы благополучно проели в последние два дня и купили что-то из еды в дорогу.

Наконец, сели в поезд (билеты были куплены заранее) и отправились домой, в Москву. В поезде выяснилось, что, несмотря на достаточно голодное существование, ребята часть слив везли домой своим братьям, сестрам и родителям.

Хорошие были мальчишки.

Перед Москвой уговорила ребят надеть футболки с эмблемой нашей школы, в которых они иногда ходили и в походе. Вышли на перрон и построились на линейку, сдали рапорт встречавшему нас завучу школы. И тут вижу, как по платформе бегут моя мама и братья – нести фрукты. Мама, увидев меня, все поняла и всплакнула – настолько черна (от загара) и худа я была...

Собрали оставшиеся деньги, выдали каждому на дорогу до дома – на метро или трамвай – попрощались и поход закончился.

В целом поход удался, сплотил ребят, обогатил их массой новых впечатлений, сблизил их со мной.

* * *

Школа познакомила меня с неизвестной мне до того жизнью совсем другого круга людей нашей страны – заводскими и фабричными рабочими, с неполными семьями, с семьями, в которых пьют родители, с убогой жизнью в маленьких коммуналках или бараках. Если угодно, закалила меня, заставила многое понять и не бояться неожиданных трудностей, что здорово помогало потом в работе на факультете, куда я вернулась через 11 лет.

**Работа в Лаборатории радиационной
генетики
и в Институте общей генетики –
ИОГене (1958–1969 гг.)**

Встреча Ю.А. Гагарина

Как я уже писала, после Университета пришлось осваивать настоящую генетику, которая поразила меня своей логичностью, доказательностью, а также четкой методикой исследований.

Знакомство и освоение генетики началось с того, что зимой 1957 года наши известные генетики, изгнанные в период лысенковщины из научных и учебных учреждений, начали читать в МОИПе лекции по курсу классической генетики. Это были член-корреспондент АН СССР Николай Петрович Дубинин, под руководством которого я защитила в 1968 году кандидатскую диссертацию, Владимир Владимирович Сахаров, в лаборатории которого я проработала два года (1958–1960), Борис Николаевич Сидоров, Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская, Вера Вениаминовна Хвостова, Николай Николаевич Соколов, Милица Альфредовна Арсеньева, с которой на протяжении многих лет нас связывали теплые дружеские отношения и работа по радиационной генетике мышей и обезьян, Яков Лазаревич Глембоцкий и многие другие. Степень доктора наук большинство из них получили по совокупности работ в конце 1950–1960-х гг.

Именно в это время я получила от своего однокурсника Вани Губанова из Пржевальска, где он тогда работал, учебник Синнота и Денна, который не только помог мне в усвоении генетики, но и окончательно убедил меня в том, что просто необходимо попробовать в ней свои силы. Все это происходило в период моей работы в школе после окончания Биофака.

Весной 1958 года, узнав, что требуются сотрудники в лабораторию радиационной генетики Новосибирского института генетики (при этом не обязательно ехать в Новосибирск, пока там нет жилья), я решила, что настал мой час.

Пошла к Э.Г. Костяшкину с заявлением об освобождении меня от обязанностей учителя биологии в связи с переходом на работу по специальности. Эдуард Георгиевич встретил меня в штывы, сказал, что не отпустит из школы, потому что я там нужна и т.п. Видя мое несогласие, стал уговаривать остаться и сделать за год диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, и заявление не подписал. После ряда безуспешных попыток убедить Э. Г. отпустить меня, пришлось идти в РОНО, объяснять ситуацию, что в школе я работала не по распределению, как утверждал Э. Г., а по собственному желанию. «Это в 544 школе вы работали? Сколько времени?» «Два года», «Два года в этой школе!?!». Инспектор при мне позвонил Костяшкину и довольно резко сказал ему, чтобы он подписал мое заявление... Я поехала в школу, получила подписанное заявление об увольнении *в связи с переводом* на работу по специальности. Тогда это было очень важно, так как не прерывался рабочий стаж, и перевод не влиял на размер будущей пенсии, а также характеристику, и еще раз выслушала его сожаление по поводу моего ухода.

После окончания учебного года, в начале июня 1958 года, я явилась к Н.П. Дубинину в ветхое здание около труб теплоцентрали, где, по-моему, когда-то был «аптекарский огород», а теперь напротив него стоит здание Института биологии развития (ИБР АН СССР).

Н. П. весело посмотрел на меня, сверкнул своими голубыми глазами и сказал, прочитав мою характеристику, «Значит, дети любили и уважали свою учительницу?»... От неожиданности – ведь я ждала вопросов о том, насколько я знакома с генетикой, глупо пролепетала «Да». Он засмеялся и сказал, что может принять меня на должность старшего лаборанта, но зарплата у меня будет значительно ниже. В школе за «особый режим» и удлиненный рабочий день я получала 120–140 рублей, зарплата по тем временам достаточно большая, теперь буду получать 86 рублей. Я с радостью согласилась, сказав, что в данном случае для меня главное не зарплата, тут же написала заявление о приеме на работу и началась новая удивительно интересная жизнь.

Надо сказать, что Николай Петрович произвел на меня неизгладимое впечатление своим простым обращением, юмором и веселым блеском голубых глаз. Когда я начала работать в лаборатории, он покорила меня, и не только меня,

своим острым умом, редкой наблюдательностью, доступностью (можно было обращаться к нему в любое время, если возникали какие-либо вопросы), а также оптимизмом, несмотря на столько лет гонений, связанных с сессией ВАСХНИЛ 1948 года, на которую его даже не пригласили. Он в это время был в отпуске, находился далеко от Москвы и о сессии узнал из газет. После сессии Николай Петрович на шесть лет ушел из генетики и, по предложению академика Сукачёва, работал на Урале, изучал птиц и думал над проблемами защиты лесополос, высаженных для сохранения влаги и предохранении полей от песчаных бурь, а также сельскохозяйственных посевов от насекомых с помощью птиц.

Для многих из нас Николай Петрович был кумиром и пользовался огромным авторитетом.

В лаборатории было несколько групп, занимавшихся изучением действия разных доз радиации на наследственность растений, дрозофилы, животных и человека (на культуре клеток). Надо было выяснить, существуют ли минимально допустимые дозы облучения, и к каким последствиям приводит облучение разными дозами. Ведь это было время развития атомных исследований, время испытаний ядерного оружия, так что работы лаборатории шли на пике одной из самых острых проблем того времени.

Ежемесячно собиралась вся лаборатория и проводился научный семинар, на котором выступали с докладами не только руководители, но и сотрудники групп и ученые из других институтов. Доклады заканчивались интереснейшими дискуссиями, причем выступить и задать вопрос мог каждый. Часто читались и теоретические лекции. Это было великолепно! Сколько разных идей, сколько новых направлений исследований возникало после этих семинаров!

Коллектив собрался дружный, работали с энтузиазмом. В лаборатории было много молодежи, пришедшей после окончания разных институтов – МГУ, Мед- и Педвузов, несколько позже появились ребята из физтеха.

Знаний генетики почти ни у кого не было, но был энтузиазм и желание эти знания приобрести. «Старики», как мы называли старшее поколение, большинству из которых было тогда 40–50 лет, некоторым чуть больше, радовались, что вернулись к любимой работе и во всем нам помогали. Можно было спокойно подойти к любому сотруднику, вклю-

*Академик РАН
Николай Петрович Дубинин –
мой научный руководитель*

чая заведующего лабораторией, и задать вопрос, или спросить совета.

Хотя по знаниям и жизненному опыту мы находились на совершенно разных уровнях – они на Олимпе, а мы у подножья, никто не относился к нам снисходительно. Это очень помогало в освоении нового. Чувствовалась школа, которую большинство из «стариков» прошли в лабораториях Н.К. Кольцова и А.С. Серебровского.

Какие это были замечательные люди! Достойные, прекрасные специалисты, общаться с ними было приятно и полезно. Некоторые из них не только знали и любили генетику, но и обладали и другими способностями. Например, Николай Николаевич сочинял стихи.

И Борис Николаевич Сидоров и Николай Николаевич Соколов после сессии ВАСХНИЛ 1948 года уехали на север, на Колыму, где изучали популяционную генетику песцов. Николай Николаевич – человек общительный, любивший шутки, хороший рассказчик, иногда рассказывал о Колыме, о безбрежной безмолвной тундре, о колымских собаках, о езде на собачьих упряжках, о том, как в пургу собаки выручали, находили дорогу к жилью. Наверное, именно там он полюбил собак, и, вернувшись в Москву к любимой работе, стал писать четверостишья о собаках своим друзьям и ученикам к юбилейным датам, защитах диссертаций и пр. Эти вирши названы «Собакиадой». Я сохранила часть их и хочу, чтобы и вы их узнали.

*Ценить положено от века
Людскую дружбу по-собачьи.
Воспеть поставил я задачу
Собаку – друга человека.*

Полярная ночь в тундре
(Борису Николаевичу Сидорову)
*В небе звезды на тысячу миль,
На земле море снега и лед.
Сквозь морозную снежную пыль
Рвется сердце собачье вперед!*

Собачья упряжка в тундре
Посвящается В.С.Б.
*Как широка полярная пустыня!
Безбрежна даль арктических морей!*

*Беззвучен нарты бег. В снегу равнина.
Далекий друг на памяти моей.*

Ночная серенада

*Посвящается колымским собакам
Скучно ночью сидеть на снегу,
Лишь луна далеко в вышине.
Я не выть на нее не могу
В этой снежной ночной тишине.*

О 48-м годе

*Подобно матросам на баке,
С тоскою смотрящим на берег,
Обидно и горько собаке
Сидеть у захлопнутой двери.*

Песнь о злой собаке

(В.В. Хвостовой)

*Жила – была собака злая
Характер – чистая мегера.
Терпели мы, отлично зная,
Нужна талантливая Вера.*

Собака Боян

(В.В. Сахарову)

*Сей пес так много раз хворал,
Что стал всегда подвержен чиху
Но тетраплоидну гречиху
Он в нежных песнях воспевал.*

Баллада о доброй собаке

(Валентине Владимировне Мансуровой)

*Собака громко лает
Опасно подойти,
Однако не кусает,
Добрее не найти.*

Собачья лирическая

(Молодой аспирантке)

*О, ты, прекрасная собака,
Волшебный сон души моей.
Получишь ты диплом от ВАКа
И будешь мне еще милей.*

Собачья космическая

(Белка и Стрелка)

*Зарю космического века
Открыл советский патриот,
Но будем помнить – человека
Собака вывела в полет!*

Ода на возвращение

(М.А. Арсеньевой)

*Собака ездила в Китай,
Она вот только что вернулась,
Душа в ней снова встрепенулась,
Заслышавши знакомый лай...*

Ирония судьбы

(Я.Л. Глембоцкому)

*В былые, славные года,
Сей пес овечьи пас стада.
Могут ли я поверить слуху,
Что он теперь лелеет муху?!*

(До 1948 года Яков Лазаревич успешно занимался генетикой овец, вывел замечательную породу, получил целое стадо этих прекрасных овец, которое было уничтожено после сессии ВАСХНИЛ).

Чудеса и завоевания современной химии

(В.С. Андрееву)

*Тот эликсир, творящий чудеса,
Получен из триплоидного мака.
И вот всего за два часа
Из вчерашнего щенка
Сегодня выросла собака.*

Ю.С.Демину

*Дружбы бокал «Карданахи»
Вы наливайте полней.
Верного сердца собаки
Что есть на свете верней!*

(Последние два четверостишья были написаны после защит кандидатских диссертаций).

Николай Николаевич, относившийся ко мне очень тепло и дружески, «собаку» мне не написал, но посвятил такое четверостишие:

Н. Н. Орловой
*Дева севера – блондинка
Охлаждает нежный взор...
Эта ж маленькая Нинка,
Словно атомный мотор!*

Меня определили в группу Владимира Владимировича Сахарова, уже хорошо известного ученого, успешно занимавшегося полиплоидией у растений.

Впервые о Владимире Владимировиче Сахарове я услышала от Наталии Павловны Орловой, которая, как я уже писала, некоторое время помогала Вл. Вл. в аптекарском саду и сохранившая с ним до конца его жизни теплые, дружественные отношения. Все, что говорилось о нем, было в превосходной степени – ум, знания, благородство и пр.

Впервые я увидела В.В. Сахарова на лекции в МОИП в зоомузее на ул. Герцена. Он рассказывал о полиплоидии у растений, ее возможностях и трудностях, с которыми сталкивается каждый, кто занимается полиплоидами, о перспективах внедрения полиплоидов в сельское хозяйство. Кроме того, В.В. (так мы его называли между собой) говорил о химическом мутагенезе и его возможностях.

Узнала я, что Владимир Владимирович и после 1948 года продолжал заниматься полиплоидами, выращивая растения полиплоидной гречихи на маленьких дачных участках своих друзей.

Это был очень красивый высокий импозантный удивительно элегантный человек с седой головой (как говорили, он поседел очень рано) и голубыми глазами, красиво говоривший на хорошем русском языке. Интеллигент, прекрасно знавший русскую литературу, живопись и музыку. Среди его близких знакомых были не только крупные ученые, но и артисты, музыканты, в частности, замечательная русская певица, солистка Большого театра Надежда Андреевна Обухова, концертмейстером которой был брат Владимира Владимировича.

В доме В. В. часто собирались его друзья, и бывало много молодежи. Человек бескорыстный, В. В. часто помогал

молодым сотрудникам не только советом, но иногда и материально, некоторых ребят он, как говорится, буквально пестовал, они бывали часто в его доме, обсуждая все свои научные и житейские дела, некоторые даже какое-то время жили у него. Особенно, по-отечески, В. В. любил Валю Андреева, опекал Виталия Щербакова, Володю Шевченко, Леву Гуманова, Нимфу Зоз и некоторых других ребят.

*Александра Алексеевна
Прокофьева-Бельговская*

В группе В. В. работала его верная помощница, с давних пор влюбленная в него, Валентина Владимировна Мансурова, обучавшая меня микроскопированию и анализу аберраций (нарушений) хромосом в клетках гречихи, и молодые сотрудники – Валя Андреев, Роза Платонова и Виталий Шербаков, выпускник Биофака 1957 года.

Обстановка, которую задавал Владимир Владимирович в группе, была приятная, спокойная и деловая, все помогали друг другу, вместе обсуждали рабочие вопросы. Тогда мы изучали полиплоиды гречихи и перитрийной ромашки и действие на них радиации на клеточном (хромосомном) уровне.

Трудно описать мою радость, когда я села за микроскоп и увидела хромосомы – «артефакты», как говорили нам на кафедре. Нужно было вести подсчет хромосом в клетках

кончиков корешков семян гречихи, обработанных колхицином для получения полиплоидных форм.

Семена с выделенных таким образом растений-полиплоидов в дальнейшем отбирали, высевали, размножали, а потом отправляли в сортоиспытание на опытные поля в колхозы и совхозы, причем Вл. Вл. перед посевом объяснял, почему полиплоиды (с четырьмя наборами хромосом в клет-

*Владимир Владимирович
Сахаров*

ках) нельзя сеять рядом с диплоидами (с двумя наборами хромосом) – при переопылении получались триплоиды (с тремя наборами хромосом), что приводило к бесплодию из-за неправильного распределения хромосом при делении клеток.

И после посевов Вл. Вл. периодически ездил на поля, консультировал агрономов и пр. Были отдельные случаи, когда вопреки объяснению В.В., полиплоидную и диплоидную гречиху высевали рядом и получали соответствующий результат, что возмущало и огорчало не только В.В., но и всех нас. Кроме того, мы исследовали влияние радиации на ди- и полиплоидные формы.

Сидя за микроскопами, мы говорили о науке, о наших тетраплоидах гречихи и тетраплоидной и триплоидной ромашке, обсуждали доклады, услышанные на лабораторных семинарах. Много рассказывал В. В. о судьбе замечательных

исследователей-генетиков Н.К. Кольцове, Н.И. Вавилове, С.Л. Фроловой и др. Обсуждали и свои житейские дела. К этим разговорам В. В. относился спокойно и терпимо, но не выносил грубости и глупости. Вспоминаю такой эпизод.

В нашей группе был молодой человек, назову его N, которого мы недолго любили. Он ухаживал за нимфой. И мы нашли себе развлечение – спрашивать у N, каков «цвет бедра испуганной нимфы» (вопрос И. Ильфа и Е. Петрова), чем приводили его в смущение и вызвали его негодование. А мы смеялись и радовались своему «остроумию». Однажды этот вопрос прозвучал в присутствии Владимира Владимировича.

Надо было видеть гнев этого воспитанного сдержанного человека! «Как вы, интеллигентные, образованные люди могли позволить себе ЭТО! Прошу вас, никогда больше этого не делать и извиниться перед N!» Было стыдно...

В. В. любил задавать нам вопросы не только о генетике, но и из ботаники, экологии и др, которые начинались со слов «Почему, как объяснить, что из этого следует..?» и т.п. Эти вопросы часто ставили нас в тупик, и тогда В. В. объяснял, что стоит за этими вопросами, сам отвечая на них. Сначала это нас смущало, было обидно, что мы так мало знаем. Однако, много позже, уже работая преподавателем генетики на Биофаке, я поняла, что эти вопросы были одним из способов обучения мыслить и анализировать, а также пробуждать любознательность и расширять наш кругозор.

В 1968 году вышла в свет небольшая книжечка В. В. Сахарова «Организм и среда», которую он щедро дарил своим ученикам и коллегам. Подарил он ее и мне, написав «Дорогой крестнице Нине».

И это не случайно – ведь именно в группе Владимира Владимировича я стала приобщаться к генетике, понимать ее сильные и слабые стороны, училась постигать генетическую логику, освоила метод хромосомного анализа.

В.В. Сахаров был, безусловно, ученым-энциклопедистом. Он профессионально знал не только генетику, но и ботанику, и цитологию, и музыку, и литературу.

В последние годы жизни Владимир Владимирович был серьезно болен – мучила одышка, не мог быстро ходить, однако продолжал ездить в хозяйства, где выращивали его гречиху, активно общался с молодыми сотрудниками и аспирантами. Казалось, что так будет еще долго. Тем оглушительней прозвучало известие о смерти Владимира

Владимировича Сахарова. На гражданской панихиде в Институте биологии развития, его директор, академик Борис Львович Астауров, закончил свои прощальные слова стихами В.А. Жуковского:

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: «Их нет»,
Но с благодарностию – «Были».*

Моя работа у В. В. продолжалась около двух лет, потом под руководством генетика Александра Николаевича Луткова я работала с полиплоидами перечной мяты вместе с Маечкой Хасановой, Валей Трухановым и Алексеем Иорданским. Однако вскоре Майя и Валентин уехали в Новосибирск, и для меня начался новый этап работы – у Милицы Альфредовны Арсеньевой.

Наша шефиня, Милица Альфредовна, Мика, так мы ее называли между собой, была симпатичная, довольно веселая седовласая, хотя и не старая, женщина. Во время войны она работала в военном госпитале. На войне погиб ее любимый человек. В лысенковские времена Мика работала в библиотеке.

Милица Альфредовна хорошо знала немецкий и английский языки, часто представляла нашу генетику за рубежом. Например, она ездила в США на Международную конференцию, посвященную проблеме воздействия радиации на человека. Естественно, докладывала о результатах конференции на лабораторном семинаре, а в нашей группе говорила, помимо науки, как ее удивили американки, ходившие по улице и на работе в чулках со спущенными петлями. С той ее поездки храню маленькую кофейную чашечку с изображением здания ООН в Нью-Йорке. Она нас любила, дарила подарки ко дню рождения и иногда приглашала нас к себе домой, куда мы ходили с удовольствием.

В 1960 году она возглавила группу, в которой были практически одни женщины – сама Мика, Люда Кабанова, Лена Ландер, Эля Бакулина, Ирина Вешнева и я. Был лишь один мужчина – Юра Демин. И все, кроме меня, курили. Пытались они и меня приобщить к этому делу. Мы работали тогда в ветхом здании на территории Главного

Ботанического сада. Летом в обеденный перерыв после общего завтрака-обеда все выходили на улицу, садились на скамейку и начинали курить. При этом всячески подначивали меня – то одна, то другая предлагали сигаретку. Кончилось дело тем, что сигаретку однажды взяла и пыталась иногда курить, в основном на вечеринках. Но скоро отказалась от этого, потому что не испытывала никакого удовольствия, более того, мне казалось, что от меня пахнет пепельницей.

Работать было интересно, мы изучали влияние космических полетов и облучения на млекопитающих – сначала на мышах, позже – на обезьянах (макака резус). Мы определяли процент хромосомных перестроек в клетках костного мозга у контрольных и облученных или летавших в космос мышей. В это время в нашей группе появилась **Эзочка Каляева**, закончившая Биофак на два года позже меня. Хорошо помню, как по Биофаку, держась за руки, ходили двое – девочка (Эза Каляева) и мальчик (**Иван Александров**), девочка почти всегда улыбалась. Оба они учились на кафедре зоологии позвоночных.

С Эзочкой я как-то быстро подружилась и мы решили самостоятельно пройти дрозофильный практикум, чтобы на практике увидеть то, что теоретически уже поняли из книг.

Именно к Николаю Николаевичу и Борису Николаевичу мы и направлялись с Эзочкой с вопросом о возможности проведения нами дрозофильного практикума.

«Конечно, – последовал ответ, возьмите мух у Эли Абелевой и работайте». Что мы и сделали – взяли мух разных линий, различавшихся по окраске глаз и тела, а также по форме крыльев, и приступили к эксперименту.

Оставались после работы, скрещивали мух и анализировали их потомства. Сначала все было просто, получали при скрещивании мух, различавшихся по одному признаку (так называемое моногибридное скрещивание), например, по окраске глаз (красные и ярко-красные). В первом поколении получали единообразие – все мухи имели красные глаза, а во втором – классическое расщепление $\frac{3}{4}$ с красными и $\frac{1}{4}$ с ярко-красными. И вдруг, скрестив мух с ярко-красными глазами с мухами, имевшими коричневые глаза, то есть поставив обычное моногибридное скрещивание, мы обнаружили в первом поколении единообразие, но цвет глаз отличался от цвета глаз обоих родителей, он был просто **КРАСНЫМ**, а во втором поколении вообще

выщепилось не 2, а 4 класса: были мухи с красными, с ярко-красными, коричневыми и даже с белыми глазами!

Не сразу мы поняли, в чем дело, пошли к Ник. Нику, а он хитро улыбаясь, сказал лишь одно слово: «Думайте!». Мы стали думать и расшифровали это расщепление.

Не стану утомлять читателя объяснениями этих результатов, для этого есть книги по классической генетике.

*Николай Николаевич Соколов
и Борис Николаевич Сидоров*

Для нас же это было яркое подтверждение Менделевского учения, которое так шельмовалось и отвергалось во времена нашего обучения на Биофаке.

Это было здорово! Потом пошли другие опыты и расшифровка новых «загадок».

С Эзочкой мы стали друзьями, вместе ездили в отпуск на Волгу, дружили семьями, ходили друг к другу в гости, отмечали дни рождения наших детей. У нее было двое – Катя и Ваня (Ивуха), который впоследствии тоже закончил Биофак. Ивуха сейчас живет со мной в одном доме и мы иногда встречаемся, он помогал мне, если требовалось отвезти или привезти меня с дачи.

Но вот настало время, когда в середине 1961 года Эза решила уйти в Курчатовский институт, где была сильная генетическая группа и рождались новые направления

исследований, к тому же он был рядом с ее домом. Когда она уходила из лаборатории, мы обе горевали и устроили вечер прощания в кафе «Мороженое» на углу Ленинского и Ломоносовского проспектов.

Встреча Ю. А. Гагарина

Конечно, невозможно забыть день встречи Юрия Алексеевича Гагарина. Мы с Эзочкой встретились на Ленинском проспекте, оставив своих малолетних деток бабушкам.

Утро было светлое, праздничное. Постепенно все тротуары Ленинского проспекта заполнились людьми, желающими встретить Гагарина. Настроение у всех было прекрасное, я бы сказала – патриотическое – ведь это наш советский человек первым поднялся в Космос! Никто не знал, в какое время Гагарин поедет с аэропорта Внуково на Красную площадь. Люди обсуждали полет, радовались, что все закончилось благополучно. Примерно часа через два привезли солдат, и их начальник, старший лейтенант, стал выстраивать их вдоль тротуара. Время от времени он вызывал кого-нибудь из солдат по фамилии, на что солдат неизменно отвечал: «Есть!» Меня распирала радость, жажда деятельности, желание озорничать. И вот в какой-то момент я громко назвала фамилию солдата, которую называл лейтенант, и в ответ услышала неизменное «Есть!» Все засмеялись, а я стала периодически повторять эту команду, и каждый раз тут же получала ответ – «Есть!» Потом мы с Эзой решили написать какие-нибудь приветственные плакаты. Побежали в магазин, купили рулон обоев и карандаши. Разложили обои на мостовой, встали на колени и написали два лозунга: – «Ура, Гагарин!» и «Даешь Космос!»

Довольные, подняли плакаты и стали ждать дальше. В это время появилась группа людей – 4–5 человек, обходивших ожидающих. Они увидели наши плакаты, подошли к нам и потребовали, чтобы мы убрали лозунги, потому что есть «организованные» плакаты. В ответ на это приказание мы поинтересовались, читали ли они сегодняшние газеты и смотрели ли по телевизору Красную площадь. «А что такое? При чем здесь Красная площадь?» – «А при том, что на улицах и площади стояло множество

людей, держа в руках рукописные лозунги и никто их не запрещал». Не знаю, чем бы закончилась эта «дискуссия», если бы на наше счастье не подошел к нам еще один из членов этой группы (оказалось, что это комиссия от Ленинского райкома партии). Это был работник райкома Валя Кобяков – выпускник Биофака, хорошо знавший и Эзу (с ней он учился на одном курсе), и меня (члена комитета комсомола Биофака). Он что-то сказал этой «комиссии», и они удалились. Тем временем стали слышны возгласы: «Едут! Едут!»

Солдаты подтянулись, сомкнули ряды. Вдруг ко мне подошел полковник милиции и сказал: «Вот что, девушка, уж очень ты шустрая. Если вздумаешь побежать с тротуара к машине, я тебя заберу». Я посмеялась.

В это время мы увидели первую машину. На ней стояли Юрий Алексеевич Гагарин и Н.С. Хрущев. Гагарин, видимо, очень волновался, еще бы, так радостно и искренне, наверное, ни его, никого другого не встречали со времен окончания войны. Он все время улыбался своей ослепительной милой улыбкой и ... шмыгал носом. Но вот машина с Гагариным и кортеж, сопровождавший ее, проехали, все стали расходиться. Для меня конец этого замечательного дня был забавен – ко мне подошел старший лейтенант и сказал, что хорошо бы, чтобы я пошла в его подразделение комсоргом.

* * *

В октябре 1994 года Эза с внуком Васей приезжала ко мне на машине в Крутое, побыли они у меня пару дней, сходили в лес, побродили по окрестностям и вывезли меня и мой урожай в Москву.

Пожалуй, среди всех женщин, которых я знала, Эза была одной из самых умных и деятельных. Она хорошо разбиралась в научных проблемах, быстро схватывала суть вопроса, неплохо знала художественную литературу и живопись, с ней всегда было интересно разговаривать. Она рассказывала, что в ее школе было как бы негласное соревнование на лучшее знание литературы и искусства.

Вспоминается еще один случай. Сын Эзы – Ваня на какое-то время уезжал работать в Штаты с семьей – женой Надей (Надейкой) и сыном Саней, где они пробыли года два.

Санька был еще маленький, учился в первом или втором классе и, когда они вернулись, у него возникли сложности с русским языком – сказывался перерыв в обучении. И Эзочка попросила меня позаниматься с Саней русским языком, помочь ему восполнить упущенное. Я удивилась, ведь преподавала генетику, а не русский язык, но Эза сказала, что уверена в том, что университетское образование позволяет обучить русскому языку ребенка на уровне 4-го класса. «А у тебя, добавила она, – к тому же большой педагогический опыт. Сама я этим заниматься не могу, так как живу далеко, и педагогического опыта у меня нет, а ты рядом с ним». Так я стала «репетитором» Сани и занималась с ним каждую неделю с января 1994 по март 1995 года. Пришлось взяться за учебники, вспомнить уроки Инны Петровны, составить план занятий, объяснять правила правописания, подбирать тексты для диктантов. Кажется, наши занятия помогли Сане освоить «великий и могучий»... Теперь Саня стал очень красивым, ярким молодым человеком, он учится на Биофаке, видимся редко, но он всегда радостно улыбается, увидев меня, и охотно рассказывает о своих делах.

Эза не только добросовестно и, я бы сказала, страстно занималась наукой, она всегда активно принимала участие в организации всяких вечеров, умела придумывать разные сюжеты и сценарии.

В 1967 г. Эза защитила кандидатскую диссертацию по специальности генетика. Напомню, что закончила она кафедру зоологии позвоночных, однако быстро освоила основы генетики, исследовала влияние радиации и космических полетов на хромосомы, потом изучала разные аспекты генетики кишечной палочки.

Мало этого, с 1990 года Эза работала с материалами из архивов своих родителей – мамы, Евы Михайловны Марголис и отца, Санджи Каляева, народного поэта Калмыкии, репрессированного в 1937 году, прошедшего северные лагеря ГУЛАГа, а с 1943 г. жившего на спецпоселении в Казахстане. Реабилитирован в 1956 году. По архивным материалам и письмам родителей она не только описала историю их жизни, но и изучила материалы по истории калмыцкого фольклора и калмыцкого эпоса «Джангр», который изучал ее отец. Это настоящее научное исследование. По этим материалам Эза опубликовала около 10 статей, подготовила к печати ряд архивных документов,

выступила с докладом на Международном конгрессе востоковедов в Будапеште.

В итоге Эзочка написала книгу, посвященную родителям – «Санджи Каляев. Письма Еве», к сожалению, книга вышла после ухода Эзы из жизни.

Осенью 2000 года Эза внезапно почувствовала себя плохо и вскоре, 20 октября 2002 года в 7 часов утра Эзочки не стало, она скончалась скоропостижно...

В начале 60-х годов, в лаборатории радиационной генетики на Бауманской, когда начались первые запуски в Космос живых существ и первые космические полеты с человеком на борту, я познакомилась с Глебом Петровичем Парфеновым. Он работал в Институте космических исследований и приезжал к нам за дрозофилой, отправляемой с космонавтами. У нас он изучал мух, побывавших в Космосе, и ставил на них разные опыты.

Человек он был умный, оригинальный, остроумный, любил и знал поэзию, особенно любил стихи Н. Гумилева, часто читал их. Нас сразу потянуло друг к другу, возникла взаимная влюбленность. Мы стали встречаться у Мики, у Гали и Володи. Я узнала, что Глеб жил у бабушки, потому что отец его, поэт П. Парфенов, написавший текст известной песни «По долинам и по загорьям», был в 1930-е годы репрессирован, мать, опасаясь ареста, отдала Глеба бабушке.

В конце 1970-х годов Глеб докладывал результаты своей работы в институте, хорошо выступил, сел на место и умер.

Его жена на похоронах подошла ко мне, позвала на поминки и там сказала, что Глеб до конца своих дней любил и вспоминал меня... Грустно, но иначе поступить тогда, расставаясь с ним, я не могла. Ношу колечко, которое он мне когда-то подарил...

В начале 1960-х годов по «милости» Н.С. Хрущева, ставшего во главе нашего государства, вновь стала подниматься лысенковщина. Начались разговоры о свертывании работы нашей лаборатории. Была создана специальная комиссия для проверки нашей работы, в которую вошли и некоторые лысенковцы. Ждали комиссию с опасением, помня о сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Члены комиссии направлялись в разные группы лаборатории, где им рассказывали о целях и результатах работы. Ждали такого члена комиссии и в группе Милицы Альфредовны.

Она поручила мне рассказать о нашей работе. И вот настал день, дверь отворилась, и вошел Ной Ильич Фейгинсон, руководитель моих курсовой и дипломной работ по анализу скрещиваний на ржи. Сначала я несколько смутилась, но быстро взяла себя в руки и в течение 40–50 минут с жаром рассказывала о том, зачем мы занимаемся изучением действия радиации на разных объектах, в частности, на мышах. Показала ему под микроскопом и клетки с абберациями хромосом. Он слушал внимательно, не перебивая, задал несколько незначительных вопросов и, уходя, произнес:

– Я всегда говорил, что Нина Николаевна способная студентка.

Заключение комиссии о работе лаборатории радиационной генетики было положительным, и нас оставили в покое.

С 1961 года началась работа на обезьянах. Изучали влияние радиации на репродуктивные клетки на разных стадиях их развития. Материал собирали в обезьяньем заповеднике г. Сухуми, куда отправилась большая группа сотрудников нашей лаборатории. В составе группы были наша Мика, Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская, Яков Лазаревич Глембоцкий, а также большая группа лаборантов, в числе которых была и я. Операции на обезьянах, взятие клеток из семенников самцов проводил местный сотрудник Николай Павлович Бочков, который впоследствии стал директором Института генетики человека. Операции проводились под общим наркозом, я ассистировала – подавала нужные инструменты, кенгут для наложения шва и т.п. Примечательно, что после такой операции обезьяны чувствовали себя нормально – уже на следующий день они прыгали и скакали, как ни в чем не бывало.

Собранный материал фиксировали и готовили цитологические препараты, на которых и изучали влияние радиации на клеточном и хромосомном уровнях.

Фиксация проводилась круглосуточно, через определенные промежутки времени, в том числе и поздно ночью.

Когда было свободное время, мы отправлялись на море, бродили по городу, а также ходили наблюдать за обезьянами не только в клетках, но и в вольере, где они жили свободно, вольер был на дне огромной каменной чаши. Посредине стоял дом, куда обезьяны прятались в непогоду или от жары,

вокруг дома были небольшие деревья. Чего они только не вытворяли – прыгали, бегали, лазали по деревьям, иногда дрались.

Запомнился один необычный эпизод, связанный с обезьянами, показавший их необычайную живучесть. Где-то в середине июня, когда было уже постоянно тепло, а временами даже жарко, вдруг повалил снег, накрыв все белым покрывалом. Особенно хороши были в снегу цветущие мимозы. Ветки с большими желтыми соцветиями сгибались под тяжестью снега. Мы поднимались на гору, где был заповедник, и смотрели вверх на это прекрасное зрелище и вдруг увидели, что на электрическом столбе, вцепившись в провод, висела и билась под током обезьяна. Зрелище было ужасное, а главное, мы не знали, как ей помочь. Наконец, она как-то оторвалась от провода и грохнулась на асфальт. Сначала она лежала неподвижно, потом начала тихонько шевелиться. Мы побежали к работникам заповедника, они принесли клетку, и обезьяна сама потихоньку заползла в клетку. Жаль ее, бедняжку, было, и мы думали, что она сильно пострадала. Каково же было наше изумление, когда на следующий день, придя ее навестить, мы увидели, как ловко и мощно она скакала и с каким аппетитом лопала!

В Сухуми происходили и другие события, не связанные с обезьянами. Дело в том, что наш лаборантский состав состоял в основном из молоденьких девушек, а на улицах Сухуми постоянно стояли кучками молодые и не очень молодые абхазцы, женщин- абхазок мы видели только спешащими по каким-то делам.

Шутя, наши начальники говорили, чтобы наши девушки не слишком заигрывали с молодыми людьми – это может кончиться неприятностью. Так и вышло. В один из солнечных дней девушки направились на пляж. А потом неспешной, расслабленной походкой пошли к нам на гору. По дороге разные молодые люди предлагали им погулять вместе, и одна из девушек вдруг ляпнула: «А в ресторан сходим?» Тут поднялся шум, парни закричали, что непременно будет ресторан. Испугавшись, почти бегом, девчонки припустили на гору и, вбежав в дом, в котором мы жили, почему-то полезли под кровать.

В комнате находилась Александра Алексеевна. Изумившись при виде девушек, залезавших под кровать, она спросила, в чем дело. Девчонки сбивчиво обрисовали

ситуацию. А перед домом тем временем собралась небольшая шумная толпа молодых людей. А. А., очень чопорная и довольно красивая дама, вышла на улицу и спросила ребят, что им угодно. Они закричали, что, мол, девушки обещали пойти с ними в ресторан, а сами убежали, вот они их и ждут. Александра Алексеевна сказала, что девушки заняты, они на работе, и о ресторане не может быть речи, попросила ребят больше их не беспокоить, после чего спокойно удалилась. Погалдев еще немного, ребята разошлись. А для девушек это был хороший урок.

14 июля я неожиданно получила на Главпочтамте письмо от Ник. Пет. Дубинина следующего содержания:

«Милые Сухумчики, рад был получить Вашу приписочку. Завидую солнцу, морю, что они смотрят на вас; работу дописал окончательно!!

И послал в ДАН (Доклады академии наук). Скоро, скоро обезьяний и прочие миры содрогнутся, а это будет с ними, когда Вы разложите по полочкам радиачувствительность по стадиям!

Приезжайте, скучно заходить в Вашу комнату, ни от кого нет ни ласковых слов, ни гадостей. Ваш Дубинин».

Вскоре Николай Петрович приехал в Сухуми и включился в работу – анализировал и обсуждал результаты, договаривался о возможности проведения совместной работы, читал лекции.

В командировке царил очень приятная непринужденная обстановка, начальство с удовольствием общалось с нами, много шутили, Ник. Пет. с Я. Л. Глембоцким часто сражались в шахматы. Однажды из-за шахмат Ник. Пет. чуть не опоздал на собственный доклад, бежал, на ходу завязывая шнурки ботинок.

В конце командировки был устроен банкет с возлияниями, было выпито немало прекрасного грузинского вина и сказано немало разных тостов. Однако, в какой-то момент мне все это надоело и я одна пошла на горку. Было уже достаточно поздно и постоянно из подворотен и от групп абхазцев, как всегда торчавших на улицах, сыпались разные предложения, но я шла быстро, не оглядываясь, и благополучно добралась до нашего домика, и никто не пытался за мной погнаться – надо знать, как себя вести!

Потом снова Москва, работа в лаборатории уже в особнячке на Бауманской.

Именно туда пришла работать Галя Покровская, с которой надолго соединились наши судьбы. Я написала о ней, когда в Америке узнала о ее смерти из телеграммы Лены, ее дочери...

В 1965 году наша лаборатория переехала в здание института Биофизики АН СССР, заняв один этаж, а в 1966 году превратилась в Институт общей генетики (ИОГен) АН СССР, а Николай Петрович стал его директором.

К этому времени я поступила в аспирантуру к Дубинину, страшно обидев и огорчив этим Мику. Но предложение об аспирантуре сделал мне сам Николай Петрович и, посоветовавшись с Ю.А. Орловым, я приняла это предложение.

Страшно было сдавать вступительный экзамен, ведь его принимали «три кита», как все называли В.В. Сахарова, Б.Н. Сидорова и Н.Н. Соколова. Однако экзамен прошел успешно. А Мика простила меня и мы по-прежнему с ней были в хороших отношениях.

Именно в то время я приобрела свой первый опыт преподавания генетики. Мой шеф попросил провести ряд занятий по генетике с молодыми сотрудниками, пришедшими к нам из разных институтов. Я с энтузиазмом принялась за это дело и почти год занималась теоретической и практической генетикой (на дрозофиле) с довольно большой группой. Занятия проходили еженедельно, народ подобрался умный, хваткий, остроумный, так что всем нам было интересно. Среди моих тогдашних учеников были такие ребята, как Женя Гинтер, теперь известный генетик, доктор биологических наук, директор Российского медико-генетического центра, Толя Ревазов и его жена Юля, теперь она доктор биологических наук, Лиза Тупицина, научный сотрудник Курчатника, Сергей Гостимский, ныне профессор кафедры генетики Биофака и др. На последнем занятии я устроила нечто вроде экзамена. На мои вопросы все время хотел ответить Толя Ревазов, он сидел с постоянно поднятой рукой. Наконец, я не выдержала, и, задав очередной вопрос, вспомнив анекдот про Вовочку, который на уроке русского языка постоянно выскакивал с ответом и называл на любую букву какое-нибудь неприличное слово, обратившись к Толе, сказала: «А ты, Иванов, молчи!» Он страшно смутился и перестал поднимать руку, а позже признался, что он не ожидал, что я могла знать этот анекдот... С Толей и Юлей мы

довольно долго встречались и после окончания этих «курсов». К сожалению, Толя уже давно ушел из жизни.

Сначала Николай Петрович предложил мне тему диссертации, объектом которой была культура клеток крови человека. В нашей лаборатории этой культурой занимался некто И. Гольдман. Однако мне никак не удавалось получить хорошие препараты клеток. Время шло, результатов не было.

Тогда я решила пойти проконсультироваться в лабораторию А.А. Прокофьевой-Бельговской, где успешно занимались этой культурой. Там меня познакомили с красивым, стройным парнем с темными блестящими глазами – **Виктором Мироновичем Гиндилисом**. Начался разговор, который быстро закончился, как только Виктор узнал, что я из лаборатории, где этой культурой занимается Гольдман. Было обидно и досадно. Показалось, что Гиндилис слишком самоуверен и заносчив.

Позже Злата Шамина, работавшая в нашем институте, снова свела меня с Витей где-то в компании. Наши отношения быстро наладились. Когда я стала работать на Биофаке, Виктор стал моим помощником-консультантом, когда возникали вопросы, связанные с необходимостью выяснить психическое состояние какого-либо студента. По крайней мере трижды возила студентов к Вите. Он не только ставил им диагноз, но и лечил, и объяснял мне, как следует с ними общаться. (Виктор по образованию был медиком, а тогда работал в генетической лаборатории института Психиатрии. Хорошие отношения переросли в дружбу.

Помню, как после защиты диплома одного из студентов группы, куратором которой была я, а руководителем дипломной работы – выпускник нашей кафедры Женя Ананьев, друг Вити, мы поехали отмечать это событие в лабораторию Гиндилиса. После застолья мы стали танцевать. Надо было видеть, как грациозно и страстно Витя исполнил танец испанского матадора.

На один из дней его рождения мы, его друзья, подарили ему пианино, о котором он давно мечтал. Витя обрадовался, как ребенок, тут же сел за фортепьяно и стал импровизировать, хотя, насколько я знаю, никогда не обучался музыке. Просто он был необычайно способным человеком.

В 1990-х годах Виктор вынужден был уехать на работу в США, в Чикаго, где успешно продолжал исследования в

области генетики шизофрении. Приезжая к Леше, я вместе с ним и своей внучкой Дашей несколько раз ездила в гости к Вите в Чикаго, где он жил один в небольшой двухкомнатной квартире в высотном здании, стоявшем на берегу озера Мичиган. По России скучал, но уже не мог возвратиться, так как уехал как эмигрант и стал гражданином Соединенных Штатов.

Несколько лет спустя, когда я снова приехала навестить своих, я узнала, что с Витей случилась беда – недалеко от его дома на него напали и сильно его избили какие-то негры. Он долго болел, пытался понять, отчего это произошло, почему-то решил, что нападение было устроено кем-то из института, где он работал. После этого случая он стал подозрителен, мнителен и осторожен. Вскоре Витя сменил место работы, переехал из Чикаго в Питтсбург, где мы также однажды его навестили. Он чувствовал себя неважно, двигался медленно, быстро худел, хотя все еще был красив и строен.

В последний раз я встретила с Витей весной 2001 года дома у Алеши, куда он приехал на несколько дней. С ним мы гуляли, вспоминая наши счастливые дни в Москве, людей, с которыми вместе работали и дружили – Александру Алексеевну Прокофьеву-Бельговскую («Мадам»), Злату Шамину, Светлану Каменеву, Женю Ананьева, Ирину Вешневу. Витя был невесел, слаб, ходил, опираясь на палку. Вскоре он уехал в Питтсбург, а я – домой, в Москву, где узнала, что 11 ноября 2001 года Виктор скончался.

Очень жаль, когда из жизни уходят талантливые, плодотворно работающие, интеллектуальные люди, такие, как Виктор Гиндилис. Вечная ему память.

Моя работа на культуре клеток продолжалась безуспешно, при этом выяснилось, что плохие результаты получались из-за отсутствия в нашей лаборатории одного реактива.

Николай Петрович сменил мне объект исследований – им стал лук-батун, на семенах которого я изучала влияние старения, то есть изменения на хромосомном уровне, происходящие при хранении семян. Это имело и прикладное значение, так как позволяло определить допустимое время хранения семян без генетических нарушений.

Работать было интересно, обнаруживались закономерности изменений не только в семенах разных сроков стандартного хранения при сравнительно низких темпе-

ратурах, но и при хранении семян в условиях повышенных температур и влажности (ускоренное старение)...

Защиты диссертации я ждала с тревогой: накануне защиты серьезно заболел и лег в больницу (открылся туберкулез) мой главный оппонент, доктор биологических наук Борис Николаевич Сидоров. Положение было критическое. Но за неделю до защиты оппонировать согласился доктор биологических наук Владимир Владимирович Сахаров, сказав, что не может отказать своей «крестнице».

Настал день защиты. На защиту пришли многие – и сотрудники института, и друзья, и моя мама, и даже ребята из моего кружка генетики в Доме пионеров.

Защита прошла хорошо, было задано несколько вопросов, на которые я вполне квалифицированно ответила, оппоненты дали положительные отзывы, сделав несколько замечаний. Слово руководителю. Николай Петрович похвалил меня за трудолюбие и активность и отметил мою самостоятельность. Словом, все прошло гладко, все члены совета проголосовали за присвоение мне степени кандидата биологических наук.

Моя мама, узнав, что защита прошла успешно, рассказывала потом об этом своим знакомым очень эмоционально: «Было много народу, пришли поздравлять даже пионеры, а после заключительного слова Нины ей аплодировали. И вообще – все плакали»...

Не могу не вспомнить также наши замечательные вечера, инициатором которых сама же и являлась – пригодился опыт Биофака! Сочинялся какой-нибудь сценарий. Проводились разные конкурсы – кулинарный, на который каждая лаборатория готовила что-нибудь вкусное или необычное. Например, торт «Дружба народов», на котором красовались, символизируя человеческие расы – черную, белую и желтую – три головы, сделанные из шоколадного, белого и желтого кремов. Конкурс «Мисс Космос» с участием нескольких женщин. Претендентки должны были сообщить некоторые метрические данные – рост, вес, размер перчаток и длину ресниц. Оказалось, что у всех четырех кандидаток вес 50–54 кг, рост от 157 до 187 см, размер перчаток 6,5–7,5, а ресницы либо «по требованию», либо эластичные, либо безмерные. Кроме того, они должны были пройти испытания на «центрифуге» – на вертящемся стуле, почистить картофелину на скорость, ответить на вопросы жюри и

пришить пуговицу, причем при этом выдавались только иголка, нитка и пуговица, женщины стали суетиться, не зная, куда ее пришить, а победительница конкурса быстро подбежала к директору Института биофизики академику Г.М. Франку и под хохот зрителей пришпандорила ему пуговицу на лацкан пиджака.

Особенно памятен вечер, устроенный по поводу избрания Николая Петровича Дубинина в 1965 году академиком АН СССР. С предложением о проведении такого вечера я пошла к нему, он согласился и дал деньги на вино и другое угощение.

В актовом зале института собралось много народа – наши сотрудники, аспиранты, лаборанты, представители Академии наук, а также других институтов, генетики, работавшие с Николаем Петровичем в разные годы. Было много вина и закуски. Произносили торжественные тосты, всячески расхваливали Н. П., говорили о его открытиях в генетике, словом создавали образ почти идеального человека.

Мне поручили вести развлекательную часть вечера. И в какой-то момент, после очередного панегирика в честь Н. П., я попросила внимания и сказала, что в биографии нашего директора не все так светло и безупречно, есть в ней и темные пятна. И рассказала о том, как в 1940-х годах, еще до 1948 года, до сессии ВАСХНИЛ, Ник. Пет. поехал отдыхать на теплоходе по Волге. На какой-то стоянке он сошел на берег и отправился на рынок, а когда вернулся на пристань, то увидел, что теплоход уже отплыл.

Как был, без документов, в тапочках на босу ногу, в пижамных брюках и майке он отправился в милицию просить о помощи. Представился членом-корреспондентом АН СССР и рассказал там свою историю, на что в милиции сказали: «Знаем мы таких членов-корреспондентов! Пить надо меньше!» Но потом все-таки связались с капитаном теплохода, убедились в правдивости слов Н. П., извинились и помогли ему добраться до теплохода.

Эту историю поведал мне сам Николай Петрович, когда я готовила сценарий вечера и попросила его рассказать какой-нибудь необычный случай из его жизни. Забавно, что после моего рассказа, вызвавшего, как и ожидалось, смех и оживление в зале, ко мне подошел профессор Сос Исаакович Алиханян и спросил, что я пью. Узнав, что пью водку, он был изумлен и даже понюхал содержание моей рюмки.

После защиты кандидатской диссертации Николай Петрович Дубинин неожиданно перевел меня из своей группы к Дуброву, а мою тему фактически отдал своей жене. Дубров мне не нравился, он был какой-то фальшивый, скользкий. В это время в наш институт должен был приехать на стажировку кто-то из Узбекистана, и его стажировкой было поручено руководить Дуброву, а тот попросил меня обучить стажера, как готовить препараты клеток корешков растений для хромосомного анализа, рассказать о тематике нашей работы. Ждала приезда этого стажера с тревогой и неудовольствием, боялась, что приедет не очень понятливый человек, которого придется долго и нудно учить. И вот в один прекрасный день открылась дверь, и вошел молодой симпатичный узбек, поздоровался и представился Кадыром Эргашевым. Парень оказался умным, любознательным, очень приятным человеком, с которым мы быстро подружились и поддерживали связь много лет после его возвращения в Самарканд.

При нем произошел примечательный случай, характеризующий Кадыра, как исследователя и наблюдательного человека, а А.П. Дуброва, как человека непорядочного и хитрого. Дубров изучал действие разных доз радиации на картофель и готовился к докладу по итогам своей работы.

Он попросил Кадыра помочь оформить стенд с разными образцами клубней картофеля. Кадыр, естественно, согласился. И был немало удивлен, когда, доставая из **одного** пакета картофель, Дубров более крупные клубни просил откладывать в опытный образец, а более мелкие – в контроль. Кадыр спросил, как же А. П. определяет, где опыт, а где контроль? «Нас учили, что образцы должны лежать отдельно», – сказал Кадыр, на что Д. ему ответил, что он и так отличает, как выглядят опытные и контрольные клубни.

Кадыр, смущаясь, рассказал мне об этом. После этого случая его почтительное отношение к руководителю сменилось недоверием и неуважением. Понятно, что и мне работать под руководством этого прохиндея совсем не хотелось, и я стала думать, как жить и работать дальше.

На мое везение именно в это время с кафедры генетики и селекции Биофака МГУ уходил мой хороший приятель, сослуживец по работе у В.В. Сахарова, Валя Андреев.

Срочно требовался человек на его место. Он предложил мою кандидатуру, которую поддержал и Вл. Вл., читавший тогда на кафедре курс по генетике полиплоидов. Сотрудники кафедры, знавшие меня со студенческих времен, сразу согласились принять меня на работу.

Тем временем, в конце 1960-х годов творческая активная атмосфера в институте стала меняться.

*Кадыр Эргашев – мой аспирант,
ныне проректор
Самаркандского университета*

К нашему институту присоединили лаборатории бывшего Лысенковского института генетики.

Несколько ведущих сотрудников, возглавлявших лаборатории, – Н.Н. Соколов, Б.Н. Сидоров, В.В. Сахаров – ушли от Дубинина в Институт биологии развития (ИБР) АН СССР.

Галя Покровская

Всегда, когда уходит из жизни близкий человек, начинаешь понимать смысл страшного слова – НИКОГДА. Никогда больше в этой жизни не увидишь заинтересованных теплых Галиных глаз, никогда не услышишь ее смеха и голоса, никогда не споёшь с ней любимых песен, никогда не сможешь поговорить о наших заботах, печалях и радостях, никогда не услышишь слов поддержки и утешения, которые так помогали жить. НИКОГДА...

Галка, Галюня – моя самая добрая сокровенная подруга, с которой мы прошли вместе без малого сорок лет, до самого ее ухода 9 февраля 2000 года. Познакомились мы, когда пришли работать в лабораторию радиационной генетики в группу Милицы Альфредовны Арсеньевой. Сначала никакой особой симпатии друг к другу мы не испытывали. Но Галин юмор, ее немножко ехидное подтрунивание над глупым и смешным, способность откликаться на чужие беды, ее прелестный голос (мы часто пели на два голоса, сидя у микроскопов), привлекали внимание и вызывали симпатию. Скоро мы сблизились и подружились.

Несмотря на ее довольно взрывной и активный темперамент, на иногда излишне резкие оценки людей и событий, приятно было с ней беседовать, т.к. она не только интересно рассказывала, но и умела внимательно слушать. При этом было видно, что она не просто слушает, но и переживает вместе с тобой. Ее замечания всегда были проникнуты пониманием того, о чем шел разговор, всегда ей хотелось (и часто удавалось) помочь решить твои сомнения и горести. Правда, часто после наших разговоров мы, смеясь, говорили: «Ничего себе, утешили друг друга!» Но на самом деле, даже если при этом ничего не менялось, живое общение с Галей приносило утешение и облегчение. Она всегда умела здраво посмотреть на проблему, повернуть твои неприятности так, что можно было увидеть, что в принципе все можно решить, или показывала юмористическую сторону моих сомнений и тревог. И сразу становилось легче. Сколько раз Галя просто вытаскивала меня из тоски и уныния (в которое я, увы! частенько впадала), излечивала шуткой и добрым словом... Поэтому мы и разговаривали, хотя бы по телефону, практически ежедневно. Разговоры были не только о наших

личных и рабочих делах, часто обсуждали прочитанное, новые произведения и их авторов, радовались, что у нас были такие замечательные и разные поэты и писатели, как Пушкин и Гоголь, Гумилев и Булгаков... Иногда мы читали друг другу любимые стихи, чаще всего Пушкина. С удовольствием слушали, как замечательно во время наших встреч в Малом Комсомольском переулке, где жили тогда Галя и ее муж Володя Беккер, мой приятель Глеб Петрович Парфенов и Володя декламировали стихи Гумилева. Приятно было посидеть за уютным столом, не спеша обсудить всякое разное, оценить прекрасную еду, которую так вкусно готовила Галя, выпить рюмочку-другую и попеть любимые песни и романсы.

Был прекрасный период жизни, когда Галя и Володя, наконец, объединились (я была у них свидетелем в ЗАГСе). Мне кажется, это было для них великим счастьем, которое они пронесли через всю жизнь, невзирая на разные неприятности и сложности. Во всяком случае, Галка светилась каким-то внутренним светом, когда говорила о Володе. А Володя однажды сказал мне, что его восхищает Галина женская мощь, ее умение всегда быть подтянутой, женственной и желанной. Эта ее удивительная способность – быть всегда прекрасной женщиной – удивляла и поражала меня и не только меня. Помню, приезжая ко мне в деревню, Галка даже в лес не ходила, не подкрасив губы и не надев что-нибудь симпатичное. Даже деревенские мужики и тетki отмечали эту ее особенность, которая неизменно нравилась и моему брату Коле.

Вспоминаю один день нашей жизни, который мы с Галей называли «Днем удовольствия». Это было летом 1964 года перед рождением Галиного сына Сережи. Работали мы тогда в небольшом стареньком особнячке на Бауманской. Стояла тихая прекрасная теплая погода. Мы решили доставить себе радость. В обеденный перерыв пошли на маленький рынок возле метро, купили около двух килограммов черешни – черной, желтой, розовой, – отправились в какой-то дворик, сели на скамеечку и под приятный разговор умяли всю эту черешню. То-то было здорово, то-то хорошо!

Грустно вспоминать о Галиной болезни, о том, как ездили с ней к врачу 31 октября 1992 года в поликлинику у метро «Университет», как ждали с надеждой, что можно что-то поправить...